

Толча. Владимир Басанов

Население деревень

	1905 г.	1925 г.	1963 г.
Выселок Захаровка	8 дворов/48 чел.	10 дворов/53 чел.	7 человек
Толчая	19/110	25/130	-

Мелюхина Ольга

Исчезнувшие деревни. Захаровка

В нашем районе много мест, где вместо сёл - одичавшие сады да бурьян, из которого кое-где проглядывают остатки печей да гнилые, ветхие крыши хозяйственных построек. Есть и такие места, где никаких построек уже не сохранилось, их разрушило беспощадное время. Старые люди помнят названия урочищ - так называются места, где от деревень и домов ничего не осталось, только прямоугольники, поросшие крапивой. Я узнала, что около нашего села, а именно около Арсёновки когда-то была такая деревня - Захаровка. Многие люди даже не подозревают об этом. Мне стало интересно, почему же исчезла эта деревня, как жили люди в Захаровке. Исчезновение маленьких деревень - это актуальная тема, так как их становится всё меньше и меньше, сокращается количество сельских жителей, и меня, сельскую жительницу, интересует проблема будущего села.

Объектом исследования является исчезнувшая деревня Захаровка. Гипотеза исследования - если я выясню, почему исчезла деревня Захаровка, то тем самым я восстановлю ещё одну страницу истории нашего района, смогу убедиться, что события в нашем районе полностью отражают историю страны. Я провела анализ динамики численности населённых пунктов Ординского района, изучила имеющиеся в архиве Ординского района материалы переписей населения, а также работу В.Н.Новикова.

Деревня Захаровка находилась около Арсёновки (сейчас улица Арсёновская), на расстоянии 3 километра от Орды. На карте 1956 года ещё была Захаровка. В некоторых источниках Захаровка называется выселки - так в России называли сельские поселения, все жители которого переселились из другого населённого пункта. Обычно сохранял название прежнего поселения с добавлением слова «Выселок». Почему Захаровка так называлась, выяснить не удалось. Вероятнее всего, в честь человека по имени Захар.

Первые документально подтверждённые сведения о Захаровке относятся к 1905 году (данные переписи). В 1905 году Захаровка насчитывала 8 дворов, в которых проживало 48 человек. В советское время она входила в

состав Зареченского сельсовета. По-видимому, такой небольшой деревня была и далее. Перед войной в Захаровке насчитывалось 11 дворов. В 1950 году в деревне проживало 26 жителей, в 1963 - 7 человек. Последней жительницей деревни была Татьяна Шатрабаева, которую уже в очень преклонном возрасте забрали к себе дети в 1964 году.

Я провела исследование местности урочища Захаровка.

По левую сторону от дороги сохранились остатки строений в виде больших валунов, которые образуют четырёхугольник. Эти камни служили фундаментом, на них стоял дом. Примерно посередине таких четырёхугольников небольшая яма, заросшая крапивой или смородиной - это голбец. Рядом с местом, где стоял дом, ещё одна яма, видимо, погреб. Дома были разных размеров. Проведя измерения, я выяснила, что самый большой дом имел размеры 7,5 на 9,5 метров. Дома стояли достаточно близко друг к другу, примерно на расстоянии 20 метров. Никаких водоёмов сейчас на этом месте нет, но недалеко видны высохшие озёра округлой формы, расположенные в карстовых воронках. По правую сторону от дороги валуны сравнялись с землёй, ям нет, это свидетельствует о том, что эти строения были заброшены очень давно. От фермы ничего не сохранилось, только холм, где раньше была силосная яма.

Данные моих исследований подтвердились в беседе со старожилом деревни Арсёновка Накаряковой Н.А.

Воспоминания Накаряковой Нины Александровны, 29.11.1938 года рождения, записаны 20.01. 2012 г. Мелюхиной Ольгой:

«Деревню Захаровку и её жителей я достаточно хорошо узнала в возрасте примерно 15 лет, то есть в 1952-1953 годах. В то время я была школьницей, жила в деревне Арсёновка, а дети из Захаровки ходили в школу с нами вместе - сначала в Зареченскую начальную, а потом в Ординскую.

В начале 50-х годов деревня Захаровка была совсем маленькой, там было 7-8 домов, все они располагались по одной стороне вдоль дороги (по левой, если следовать из Арсёновки). По правой стороне дороги раньше тоже стояли дома и жили люди, но в 50-е годы там были только развалины. Практически все дома были ветхие, крыши крыты соломой. Ещё там стояли 2 так называемые мазанки. В нашей местности не принято было белить снаружи дома, а переселенцы из других мест (у нас тогда говорили, что это были немцы) для того, чтобы как-то утеплить и обновить старый дом, обмазывали его смесью глины и соломы, а потом белили. В то время в деревне не было ни школы, ни магазина, никаких других учреждений. Электричество провели и в Арсёновку, и в Захаровку только в 1960 году. Освещение было только керосиновыми лампами. Все в деревне жили бедно, кто был побогаче, уезжали в другие места, чаще всего в Орду.

Накаряковы. Фото из архива Н.А.Накаряковой

Семьи были большие. Из жителей я помню: Кашину Пелагею, Кашину Марию, Шатрабаеву Татьяну Филипповну, Игошева Михаила Петровича, Шадрину Клаву. Все эти люди уже умерли, а дети их разъехались, в Орде никто не живёт. Особенно хорошо помню Клаву Шадрину, это была вдова лет 40. В то время в тех деревнях, где не было клуба, собирались в домах, накрывали на стол, пели песни. В доме Клавы собирались часто. Несколько раз мы, школьники из Захаровки

и Арсёновки, ставили в этом доме концерт. Собирались все жители, принимали нас очень хорошо, ведь других развлечений не было, а в Орду ходить далеко. В доме была одна комната, стоял стол, лавка, ящик-сундук под одежду. Отапливался дом русской печью. Над печью были полаты, на которых можно было сушить одежду. Для хранения картофеля и других овощей служил голбец - яма под полом. Место над голбцем называли западёнки, там обычно хранили войлоки и матрацы, набитые соломой или осокой, на которых спали. Окна были маленькие, на зиму ставили вторые рамы. Стены были бревенчатые, перед праздниками их мыли, пол дощатый, некрашенный. У домов были сени, чулан, надворные постройки - конюшни, загоны для скота, бани. В огороде выращивали в основном картофель, немного других овощей - морковь, свёклу, капусту. Картофель родился мелкий.

Питание было очень скудным. Хлеб пекли сами, белый хлеб - редко, чаще чёрный, и даже ели лепёшки с добавлением лебеды. Мясо было редкостью, по большим праздникам. Повседневной едой была похлёбка - так называли суп без мяса, только картофель и крупа. Осенью из порезанной картошки сами делали крахмал, зимой варили кисель. Варили парёнки из свёклы в печи. Коров кормили плохо, поэтому надои были низкие, да и практически всё молоко сдавали, каждому хозяйству был

установлен план на сдачу молока. Сами пили козье молоко, но его было мало. На колхозном поле собирали гнилой картофель, пекли лепёшки. Заготавливали много рябины поздней осенью, замораживали её и ели в течение зимы. Это было главным лакомством. В лесу, который совсем рядом с деревней, собирали ягоды, грибы.

Одежды тоже было недостаточно. Ходили в лаптях, резиновых ботинках, в обуви родителей или старших братьев и сестёр. Чаще всего одна пара валенок или кирзовых сапог на всю семью была единственной. Даже в первый класс дети шли в возрасте 9 или 10 лет, потому что не в чём было ходить в школу. Ученица начальных классов в кирзовых сапогах 40 размера, вместо платка на голове - детское байковое одеяло, одно платье на все случаи жизни - типичная картина того времени.

Престольным праздником в Захаровке было Фомино - первое воскресенье после Пасхи. Накрывали во всех избах праздничный стол, вместе отмечали праздник. Миша Игошев очень хорошо играл на балалайке.

В начале 50-х годов в колхозе работали на трудодни. После уборки урожая выдавали на каждый отработанный трудодень продукцию, в основном зерно, иногда немного мёда. Денег не платили совсем. Чтобы купить керосин для освещения дома, одежду, школьные принадлежности и другие необходимые вещи, которые нельзя сделать самим, приходилось продавать часть продуктов, полученных на трудодни или со своего домашнего хозяйства - молоко, мясо, яйца. Продукты продавали на рынке в Орде, он располагался у церкви, примерно там, где сейчас дом Т.И.Кайзер.

С 1955 года я начала работать в колхозе «Правда» (тогда он назывался сельскохозяйственной артелью). Ферму из Арсёновки перевели в

Фото из архива Садковых

Захаровку, ближе к пастбищам, я работала на Захаровской ферме дояркой. Ферма была крупной, в двух корпусах содержали примерно 130 коров, около сотни телят. На ферме работали: заведующая, 11 доярок, 3 телятницы, 2 пастуха, возчики кормов, возчики навоза, сторож. Несколько работников были из Захаровки, остальные приходили пешком из Арсёновки и даже из Орды (только в начале 60-х был организован подвоз работников на лошадях). Работа была очень тяжёлая. Рабочий день начинался с пяти часов утра. Приходилось на себе носить воду из болота, примерно по 50 ведер, 3 раза в день доить группу коров вручную (в группе 12 коров). Я надаивала до 400 литров молока в день. Молоко во флягах возили на лошадях на Беляевский сырзавод. К работе относились очень ответственно. Помню, что пастухом работал Мартынов, он каждую подоенную корову сразу выгонял на пастбище, старался накормить животных так, чтобы удои были выше. В 1960 году провели электричество на ферму и построили водокачку, стало немного легче работать.

В 1965 году ферму в Захаровке закрыли, перевели в Арсёновку. Ферма была деревянная, стала разрушаться, требовала значительного ремонта. Ремонтировать её не стали, построили каменные корпуса в Арсёновке.

Те дома и постройки, которые были получше, перевезли в другие населённые пункты. Например, в Арсёновке стоит до сих пор небольшой домик, который когда-то был построен для работников фермы. Ветхие строения разобрали на дрова. Плитняк, который широко использовался для строительства, вывезли, и до сих пор в Арсёновке погреба, фундаменты выложены захаровским камнем. Когда-то у домов в Захаровке росло много черёмухи, сейчас остался один-единственный чахлый куст. Все кусты выломали, новые не выросли, потому что на этом месте пасут скот. Это место в народе называют «Захаровские ямки», потому что вокруг много карстовых воронок».

Мне удалось собрать сведения о некоторых жителях бывшей деревни из похозяйственных книг в архиве. Семьи в Захаровке были разные. В основном в деревне жили вдовы погибших на войне. Например, там жила немецкая семья Отт в 1956 году, мать, бабушка, 2 сына и дочь. По данной семье было ещё несколько сведений: например, картофелем у них было засеяно 2400 квадратных метра, овощами 100 квадратных метров. У них были животные, одна тёлка, одна свинья, один ягнёнок.

Несколько лет деревня существовала благодаря размещённой там ферме для крупного рогатого скота. Несколько раз коллектив работников фермы был победителем социалистического соревнования, получал переходящее Красное Знамя. В 1965 году ферму в Захаровке закрыли, перевели в Арсёновку. После закрытия фермы деревня Захаровка перестала существовать. Сейчас вместо фермы остался только холм.

Судьба деревни Захаровка, её история полностью отражает события в стране. В 1958 году был взят курс на ликвидацию «бесперспективных деревень». Таким образом, главная причина исчезновения Захаровки - политика государства по отношению к селу.

Кашин Иван Николаевич

Егор Фёдорович и Пелагея Григорьевна
Кашины

Моя бабушка Анна Петровна Игошева (1897г.р.) и мама Кашина Пелагея Григорьевна (02.05.1914 г.р.) родились в деревне Захаровка Ординского района. Мама вышла замуж за Кашина Егора Фёдоровича, также уроженца Захаровки. По словам мамы он был её старше. Родилось две дочери: Фаина (01.06.1937г.р.) и Нина (22.12.1940г.р.).

В мае 1941 года его призвали в летние лагеря в Челябинскую область. Началась война и его сразу отправили на фронт. В июне 1941 года матери пришло извещение, что её муж, Кашин Егор Фёдорович, пропал без вести.

После войны мама переехала в д. Заречная, где родились мы с сестрой Татьяной, 1949г.р. Мама работала всю жизнь в колхозе разнорабочей. Знаю, что возила воду на стан для тракторов. Перед пенсией работала сторожем на заправке. Умерла 10 июля 1993г.

Феденёв Николай Степанович

Вглядываясь в картину...

Эссе-размышление по поводу увиденного, услышанного, пережитого

Приехал племянник из Орды. Привёз фото картины местного самобытного художника Владимира Басанова «деревня Толчая». Родная моя Толчая! Такая далёкая и такая близкая! Здесь жил мой прадед - Феденёв Николай Миронович (1810-1885), дед - Феденёв Ефим

Николаевич (1850г.р.), родился и жил мой отец - Феденёв Степан Ефимович (1885-1937), родился в 1932 году я - Феденёв Николай Степанович, мои сёстры и братья. Дома были выстроены односторонком. Мысленно иду по улице деревни: здесь живёт Иван Шадрин, рядом Патя и Егор Феденёвы, а этот дом раскулаченных Фильшиных (фамилия это или прозвище - не могу сказать) и на этом месте сделали конный двор. Дальше наш дом рядом с конным двором, в следующих домах - Бурыкины (три дома) и Склюев. Ближе к реке с правой стороны живёт Марфа Склюева, семья Чураковых, где 18 человек детей: два сына и 16 дочерей, Федя Шадрин. Дорога начинается сразу от часовни. Мельница немного располагается не так, как изображено на картине. Двор моего деда внизу, у речки, с левой стороны. Рядом ещё дом. Два двора стоят на противоположном берегу реки. Ближе к Верх-Кунгуру под гору спускаются два дома. Да, разворошила эта картина память. Пока рисовал на бумаге сам угор, улицу, речку, дома, захлёб рассказывая, где кто жил, частично эпизоды жизни из детства, так переволновался, что левая рука (я-левша) стала дрожать и выписывать лёгкие кульбиты, точно передавая моё внутреннее состояние. Встреча даром не прошла. Ночь почти не спал. Да и давление опять напомнило о себе. Но мы уже привыкли друг к другу и стараемся мирно сосуществовать. Да, о чём это я? Понятно, же, что не о давлении все мои мысли, а о прожитой жизни. Как там говорится у С. Есенина: "Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?" Мысли, воспоминания лезли в голову, калейдоскопом событий сменяя друг друга. А воспоминаний к 84 годам накопилось немало.

Вот сидит на скамейке моя будущая мама, молодая, красивая. А отец, проходя мимо приглянувшейся девчушки, гладит её по голове и говорит: «Маришка, жди. Приду с армии, на тебе женюсь». И в шестнадцать лет молодая жена переступила порог родительского дома мужа.

Вот отец участник германской войны. Пришли с войны и сказали маме, что не жди Степана, мы видели, как его убило. А он, контуженный, попал в плен. Вернулся из немецкого плена в 1919 году.

В забытьи или наяву иду по угору с отцом в деревню Арсёновку, моя рука лежит в его руке. Отец работает заведующим свиноводческой фермой в колхозе "Красная Звезда" и вслух думает, что его тревожит. Дел и забот у заведующего хватает: как сохранить и выкормить поголовье свиней на колхозной ферме, качественные ли корма подвезли, вышел возчик сегодня на работу или задержался? Правильно ли сделал, что снова вступил в колхоз? До этого ведь два раза выходил, совсем было голодно. А как кормить семью? Но его думы меня, пятилетнего пацана, не касаются, мне надёжно и спокойно рядом с отцом.

Вот косим сено для нашей кормилицы коровы. Рубаха отца уже вся сырая от пота, а он всё машет и машет косой. Ясно вижу лицо отца и читаю его мысли. Семья-то немаленькая, девять детей, да Маришка с десятым ходит. Правда, четверо старших детей уже живут своими семьями. Но эту-то шестёрку ещё поднимать и поднимать! А кого интересно родит моя Маришка? Уже есть дочь и восемь парней, наверное, ещё одна дочь не помешает. Будет материна помощница, решает глава семьи и, отмахнувшись от паутов, продолжает дальше махать косой, выправив лезвие бруском. Жаль вот только одного из сыновей, - снова грустные мысли одолевают его. Переболел в четыре года оспой и ослеп. Трудно ему придётся в жизни. Ну да ничего, прорвёмся, думает хозяин большого семейства.

Вот с громким криком все гомозом бежим по деревне, а люди выглядывают в окна и говорят: "Да, Стёпки Ефимчикова ребята бегают".

Вот мать стряпает у печки. Отец в это время ещё спит. Подбежав, полюбовавшись и поцеловав его, она снова принимается за стряпню. Я вижу её молодую, покрасневшую от огня и нахлынувших чувств,

Стоит первый слева
Степан Ефимович Феденёв

тыльной стороной руки убирающей прядь волос с лица. Красивая...

А здесь отец играет на гармошке на чьей-то свадьбе. День гуляют, второй пошёл... Мама заходит в этот дом. Отец наяривает на гармоню. Пляска, смех, веселье. Как она пошла плясать! Отец быстро свернул меха гармоню и вперёд неё был дома. Он же научил играть на гармоню слепого Ивана.

Знал ли я тогда, что скоро моя жизнь, жизнь отца, матери, моих близких резко изменится. И никогда не вернётся уже в то радостное, беззаботное детство рядом с отцом и матерью. 1937 год, названный в истории годом «Большого Террора», непосредственно коснулся и нашей семьи. В одночасье отец из крестьянина-бедняка,

имеющего до вступления в колхоз одну корову, одну лошадь и двор с надворными постройками превратился в кулака-карателя и был арестован. Люди были возмущены его арестом. За что арестовали? Да за то, что у него ребятишек полно!

Началась для нас жизнь, полная лишений, страданий, горьких слёз, невысказанных обид, опустошений, сомнений и ожиданий. Что испытывала мама, оставшаяся одна с шестёркой детей на руках, из которых старшему слепому Ивану было 14 лет, а младшенькая только родилась? Да ещё жить с клеймом «враги народа». Каково было ей смотреть на опухших от голода детей, которым мерещилась краюшка хлеба на столе? А когда сползали с печки за этой краюшкой, стол был пустой. Опять показалось...

Из глубины памяти всплывают снова воспоминания.

Собираем с мамой колоски на колхозном поле. Я, обессиленный от голода, отказывался идти. Заставила. Насобирали...

Ложимся спать все вповалку в сенках. Мама спрашивает: "Ребята, если отец придёт, мы его пустим?" !?! После непродолжительного молчания самый находчивый предлагает: "Мы сначала у него документы спросим!"

Ждал ли я, пятилетний пацан, отца? Сказать это словами, значит, ничего не сказать. Я потихоньку ревел, когда попадало от старших братьев, и думал, что вот придёт отец, и я ему всё-всё расскажу. Расскажу, что Леонидко вчера опять дал мне подзатыльник и не взял с собой бегать на конный двор. А мама сегодня его отлупила за то, что он не донёс домой хлеб. Я сначала подумал, так тебе и надо, не будешь драться. Но он так горько ревел и повторял, что он не нарочно его съел, а просто не заметил, как это получилось: по крошечке, по крошечке отламывал, смотрит - осталось совсем мало. От отчаяния, что ему крепко попадёт, и остальное затолкал в рот... Так вот, мне его так жалко стало, и я подумал: был бы папа дома, был бы хлеб, не редела бы всё время мама и попробовал бы меня кто обидеть! Я бы обидчику как дал! И обувь бы у нас была у каждого своя, как у других ребят. А не одни лапти на всех по очереди! Да и те мать снимала, как только появлялись проталины.

Но как я не ждал отца - он не приходил! Я пошёл в 6-й класс. На перемене сказал столпившимся девчонкам: "Ну-ка, бабы, посторонитесь!" Учительница меня поставила в угол. Другие учителя, также входя в класс, здоровались, вызывали меня и указывали на угол. Что церемониться-то с "врагами народа". Так, простояв в углу три дня, на четвёртый я сдал учебники и ушёл. А наутро ни свет ни заря я уже возил на ферму с озера воду в бочках.

Повторюсь, но ещё раз напомним, что когда отца арестовали, мама была беременна десятым ребенком. Старшая сестра и трое моих братьев уже жили отдельно своими семьями. Расстреляли его на одиннадцатые сутки

после рождения младшей дочери. Две дочки: Ольга - первая и Анфиса - последняя. А между ними восемь сыновей: Петр, Егор, Прокопий, Иван, Алексей, Михаил, Леонард (Леонидко), Николай. Мы все выжили. Это, в первую очередь, заслуга матери. Что ей досталось в жизни? Непосильная крестьянская работа да слезы. Всё делалось вручную. Как говорили в народе: "всё пердячим паром". Мы с 9 лет уже пасли коров, телят, жеребят. Слепой Ванюшка плел лапти, вил веревки для колхоза. Искусно владел иглой. Клал иглу на кончик языка, вдевал нитку в ушко, а дальше уже дело техники. Он же был мастером по кладке печей. Помогали матери выжить старшие дети. Четверо моих братьев (Пётр, Егор, Прокопий, Алексей) воевали в Великую Отечественную войну. Двое (Георгий и Прокопий) попали в немецкий плен, позднее оба прошли госпроверку. Их встреча с отцом состоялась на одной странице в изданной в 2005 году книге «Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий».

Через 20 лет после ареста отца мама, чтобы узнать о судьбе мужа, обратилась в Президиум Верховного Совета СССР. Зная правду, ей, однако, сообщили, руководствуясь указанием КГБ при СМ СССР, что её муж осуждён в 1937 году на 10 лет ИТЛ и, отбывая наказание в местах заключения, умер в 1942 году от инфаркта миокарда.

На сегодняшний день из всей большой когда-то семьи Феденёвых остался я один. Мама, Мария Герасимовна, имела две правительственные награды. Умерла в 1966 году в городе Кунгуре, так и не узнав, как её любимый Степан умер и где похоронен. Сегодня многие знают о 12-м километре Московского тракта г. Екатеринбурга, где был расстрелян и похоронен отец. А вместе с ним там покоятся 18500 человек. Из них, в том числе, 7474 жителя Пермской области, расстрелянных в 1937-1938 годы. Только в 1991 году люди узнали об этом страшном месте. Мы с младшей сестрой посетили этот мемориальный комплекс, представляющий огромный крест, облицованный мрамором, и мемориальные плиты с именами тысяч погибших. Светлая память безвинно убитому отцу. Вечная память моей маме, великой труженице, страдальце, героине.

А всё началось с картины... Набегался я босиком по деревне в своих воспоминаниях. Увидел, как наяву, часовню, каменный дом, мельницу, попил ключевую воду... Разбередила она мне душу и с невероятной силой поманила на мою малую родину. Теперь не успокоюсь, пока сын снова не привезёт на мою Толчею.

Справка. Феденёв Степан Ефимович родился 1 августа 1885 года в деревне Толчая, Зареченского сельского совета, Ординского района, Свердловской области. Работал в своем хозяйстве, затем в колхозе «Красная Звезда». Арестован Ординским райотделом УНКВД 30 октября 1937 года за якобы систематическую контрреволюционную пропаганду,

направленную на дискредитацию Советской власти. После ареста и допроса двух свидетелей, жителей этой же деревни, тройка УНКВД Свердловской области обвинила его в том, " что в 1918 году служил комендантом у Колчака. Будучи враждебно настроенным к Советской власти, с контрреволюционной целью пролез в колхоз, где вёл подрывную вредительскую деятельность, направленную на разложение труддисциплины среди колхозников и срыв мероприятий, проводимых Партией и Советской властью на селе".

На основании этого Тройкой 5 ноября 1937 года по ст.58-10 УК РСФСР был приговорён к расстрелу. Это решение было исполнено 10 декабря 1937 года. Реабилитирован посмертно за недоказанностью состава преступления 12 октября 1962 года.

P.S. Знаю, что на моей малой родине установлена стела с фамилиями проживавших в деревне Толчее жителей. Жаль, что фамилии Феденёвых там нет. Мы также там жили, любили, страдали...

На упрямых воду возят

В 1945 году решили дома, чтобы я окончил семилетку, и я пошёл в 6-й класс. Учиться желание было. Всё шло хорошо. Но вот моя дурость что со мной сделала.

Однажды кончился урок. Классным руководителем была женщина. Сельские девчонки столпились вокруг стола. А я, чтобы пройти мимо, сказал: - Ну-ка, бабы, посторонитесь!

Приговор не знаю, какой мне был, но после этого я простоял в углу три дня. Учителя приходят, как обычно, говорят:

- Здравствуйте! Садитесь! Затем называют меня и показывают в угол: «Вставай».

Так я простоял три дня. На 4-й день сдал учебники и ушёл.

А наутро ни свет ни заря я уже возил на ферму с озера воду в бочках.

И вот был второй случай. Зав. МТФ даёт мне поручение перевезти из д. Грызаны бурильщиков, чтоб пробурить на ферме скважину. Приехал я в эту деревню, нашёл этих мужичков. Они были из Кунгура. Переспали у них на квартире. Вечером они уничтожили запасы бражки. А утром погрузили их немудрёный скарб и поехали к нам на ферму. Проехали немного, замёрзли. Решили погреться - пройтись пешком.

Идем за санями. Я заметил, что кобылка что-то косит на нас глазом. Когда мы согрелись и решили сесть в сани, кобыла пулей от нас отскочила шагов на 30. И пошла снова спокойно, размеренным шагом. Мои Кулибины зароптали на меня, дескать, кого ты запряг.

Я, конечно, слышал уже о причудах лошадей. Кобыла не любит, когда попадёт вожжа под хвост. Даже был такой меринок, так он увиливал от

дальних рейсов тем, что якобы не может справлять нужду по большому взапрыгу, и его в обоз не брали. Но такого, как с нами случилось, не знал.

Мы спокойно приближались к саням, а потом по очереди бросались в них, но ни разу не могли достичь цели. Кобыла убегала от нас. Мы перегрелись, как двигатели без воды.

И, наконец, попадает встречная подвода - разъехались, и больше все из саней не вылезали. Вот так нас учат жить даже наши милые животные.

Жизнь прожить - не поле перейти.

Анфиса Степановна Феденёва (Киселёва)
«Я горжусь своей мамой...»

Мария Герасимовна Феденёва с дочерью Ольгой

О моей маме, Феденёвой Марии Герасимовне, ранее Шадринной, писать трудно, так как я в семье была самая последняя, но кое-что с её слов помню.

Моя мама, Мария Герасимовна, родилась в д.Толчая в 1892 году пятая в семье. Родители были строгие. Ей не было 17 лет, а её выдали замуж. Мужа своего, т.е.

моего папу, она очень любила. Когда я повзрослела, она мне рассказывала о своей жизни.

Жили с родителями отца. Семья была небогатая, верующая. Образования не имели, но были честные, трудолюбивые. Недолго её счастье длилось, только успели семью накопить. В 1937 году папу арестовали. Я родилась без папы – десятая в семье. Четверо были уже взрослые, они жили отдельно, а нас шесть человек осталось с мамой. Старшему брату Ивану было 14 лет, но он был слепой. Мама работала в колхозе, жизнь, конечно, была очень трудной. Мама очень переживала, расстраивалась, часто плакала. Время для всех было тяжёлое - голод. Старшие братья и сестра помогали маме, чем могли. Росли в голоде и нищете: восемь братьев и две сестры, первая и я, последняя.

Мама работала в колхозе на разных работах, а братья с 9 лет уже пасли в колхозе коров, телят и жеребят. Мама была строгая, подавленная пережитым горем. Братья были позднее механизаторами, тружениками колхоза. Все служили в армии, кроме слепого Ванюшки. Он был помощник мамин. Плёл лапти, вил верёвки для колхоза, а после женился и воспитал четверых сыновей. Во время войны четыре брата были на фронте. Я помню, как мама страдала, как плакала о них. Молилась богу. Все живые вернулись с фронта. Маму в деревне уважали, хоть и была она рядовая колхозница. Я помню, её называли Мария Герасимовна, и о братьях, то есть её сыновьях, отзывались хорошо. Все женились, у всех были семьи. Сейчас из десяти маминых детей нас осталось двое. Брат Николай и я. Остальных схоронили.

Пусть мы росли в трудных условиях, можно сказать в голоде и холоде, но я горжусь своей мамой. Она нас никого не оттолкнула от себя, не бросила, как сейчас нередко делают некоторые мамы. Она была строгая к нам ко всем одинаково и любила нас. Из нас десяти детей её ни один не подвёл и не опозорил, ни в чём не были замешаны в плохом. Мама умерла в 1966 году, мне было 29 лет. Я не могу о ней сказать плохого слова, ни разу её не видела даже выпившей. Она никогда не была в гуляньях, всю свою жизнь, как осталась одна без мужа, была в переживаниях за нас, чтобы всё у всех было нормально. Образования нам, конечно, не дано, но мне не стыдно за своих братьев. Все трудолюбивые, честные. Конечно, у всех свои семьи, были и свои проблемы.

Галина Ёлохова (Лубова)

Моя бабушка Пермякова (Склюева) Василиса Андреевна родом из Толчеи. Здесь она родилась и выросла. Правда, жизнь была у ней не из лёгких. Когда ей было 3 года, умерла мама. Отец женился снова. Новая жена, односельчанка Парасковья, неплохо относилась к бабушке. Семья жила в достатке: надел земли, лошади, домашний скот, добротный дом. Бабушка, подрастая, помогала взрослым по хозяйству. Когда бабушке было 9 лет отца призвали на фронт русско - японской войны. Вернулся живым и невредимым. Продолжали трудиться в своём хозяйстве. Через 5 лет в семье - беда. Умирает от болезни хозяин. В 17 лет она выходит замуж в соседнюю деревню Верх-Кунгур за Пермякова Василия Михайловича. Мачеха исполнила наказ мужа: выдала замуж бабушку с хорошим приданым. Лошадь с телегой, сельскохозяйственный инвентарь, необходимые вещи для жизни, как: постельные принадлежности, одежду, посуду. Красивый кашемировый платок из её приданого до сих пор хранится, как семейная реликвия. Я, как старшая внучка, берегу его и

добрым словом вспоминаю, кто его носил. А далее передам своей старшей дочери. Мы, внуки и правнуки Василисы Андреевны каждое лето собираемся на берегу речки Кунгурка в районе Толчеи, вспоминаем предков и обязательно посещаем место, где был дом бабушки.

Нина Алексеева
Бурыкин Сергей Георгиевич

Сергей Георгиевич родился 25 сентября 1926 года в д. Толчея. Окончил 7 классов, работал трактористом в колхозе, затем ушёл в армию. Прошёл всю войну. Участвовал в освобождении Праги. Вернулся в ноябре 1945 года, а в феврале 1946 был принят на должность зав. райархивом при райисполкоме, уволен с должности в октябре 1956 года. Затем работал завклубом в д.Арсёновка, в 1966 году поступил работать в охрану инспектором, затем бригадиром и уволился оттуда в октябре 1980 года в связи с выходом на пенсию. Инвалид II группы. Имеет награды «За Победу над Германией», «За освобождение Праги», юбилейные медали. К сожалению, его сейчас нет в живых. Умер 2 марта 1998 года.

Грязных Анатолий Николаевич
Толчея

Это мельница для получения толокна (вид муки) из овса, ячменя, гороха, а также крупы типа «геркулес». В отличие от остальных крупорушек, в которых жернова «стригут» зерно на крупинки, толчея толчёт продукт большими пестами. На жерновых мельницах мука получается тоже за счёт перестригания зерна и последующего перетирания. В установке «толчея» волокна злаков не стригутся, а утоньчаются, оставаясь длинными. Это более благоприятно для человеческого желудка и кишечника. А также одна из причин по которой в посты не страдали православные христиане расстройством пищеварения. Толокно шло на приготовление киселей.

Как устроена эта установка. Горизонтальный вал с тремя или четырьмя кривошипами (в зависимости от числа пестов) вращает водяное колесо через механическую передачу. Песты – это брёвна длиной около двух метров, окованные в нижней части железом. Они могут перемещаться вертикально в направляющих брусках. Кривошипы вала входят в зацепление с захватами пестов в нижнем положении и выходят в верхнем, позволяя песту свободно падать в ступу. Кривошипы вала смещены друг от друга на 120 или 90 градусов. Поэтому установка имеет более ровный ход, так как песты падают не одновременно. Есть и более сложные установки с приводом на рукоятки молотов, но они применяются реже.

На одноимённом поселении Толчая в 1925 году было 25 дворов, то есть приличный хутор. Они снабжали толокном и крупой весь район и округу. Но с развитием транспортной сети, промышленных установок и сменой рациона питания потребность в мельнице отпала и хутор исчез. Осталась лишь плотина и следы стоящих домов.

А. Шадрин
Я из деревни Толчая...

Толчая... Близкая моему сердцу деревня. В ней я родился, с ней связаны мои дошкольные годы. В 1938 году наша семья переехала в д. Арсёновку (ныне улица Арсёновская в с. Орда). С 1939 года я учился в Зареченской начальной школе, затем — в Ординской средней, которую закончил в 1949 году. А после окончания в 1954-м Пермского сельскохозяйственного института имени академика Д. Н. Прянишникова волею судьбы оказался в У-Кишерти, где и сейчас проживаю с семьёй (прибыли мы из Челябинской области, где я работал агрономом Магнитогорской МТС, а жена — учительницей в школе). Родители жены жили в Кишерти, а она, Антропова Клавдия Матвеевна, с августа 1951 по июль 1954 года работала в детдоме пионервожатой и в Ординском райкоме ВЛКСМ заведующей отделом школьной молодёжи. В Орде и Верх-Кунгуре живут мои родные сёстры, в Орде также есть и другие родственники. Мы периодически бываем на моей родине.

В феврале 1999 года я с женой приезжал на день рождения к сестре. Она постоянно выписывает газету «Верный путь» и хранит её для нас. Так, в газете за 2 июля 1998 года я прочитал заметку Саши Зыкова, ученика 9 «б» класса «Юным краоведам интересно всё!», в ней шла речь о деревне Толчая. 30 мая 1998 года газета рассказала о Бурыкине Сергее Георгиевиче, родившемся в д. Толчая. Я продолжу разговор об исчезнувшей деревне.

Своё название деревня получила от специального приспособления для толчения зерна на небольшой мельнице, которая была на реке Кунгурке.

В Толчее в 1903 году было 19 дворов, население — 110 человек, в т.ч. 53 женщины; в Арсёновке — 50 дворов и проживало 267 человек. До 50-х годов в Толчее было более 30 домов, в том числе один кирпичный, двухэтажный. Кладка была настолько прочная, что когда пытались дом разобрать, не удалось взять ни одного целого кирпича. Дома располагались на горе, в одну сторону (от Арсёновки на Верх-Кунгур), другие — на террасе, третьи — за рекой Кунгуркой. В деревне была бригада колхоза «Красная Звезда» (правление находилось в Арсёновке).

Мою малую родину знают сын, дочь, наши внуки и внучки. Мы бывали с ними в этих местах.

Анна Петровна
Игошева с детьми

Третья слева Пелагея Кашина

Николай Игошев,
Михаил Садков

Литература:

- Алексеева, Н. Бурыкин С.Г. // Верный путь. – 1998. – 30 мая
- Новиков, В.Н. География, история, экономика Ординского района. – Орда, 2005. – 176 с.
- Мелюхина, О. Исчезнувшие деревни. Захаровка // Находки старины родной. – 2012. – С.41-45
- Феденёв, Н. На упрямых воду возят // Искра. – 2008. – 15 янв.
- Шадрин, А. Я из деревни Толчея... // Верный путь. – 1999. – 24 апр.

Захаровка и Толчея: воспоминания бывших жителей / Сост. Г.П.Феденёва, И.И.Тимофеева; МБУ «Межпоселенческая центральная библиотека». – Орда, 2020. – 18 с. (Исчезнувшие и исчезающие деревни Ординского района)

Корректор: Н.П.Каравашкова

На обложке - фотография картины В.Басанова